

© Алексей Павлов «ДУЭЛЯНТ»
Рассказ из 1-го тома сборника короткой прозы
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство фонда «Сталинград»
Москва 2017

ДУЭЛЯНТ

Минуло уж более двух с лихвой десятилетий, но в памяти еще живы пожары столицы, полыхающие дома, строения, грандиозные сооружения и купола. Еще резала боль сердца тех, кто когда-то овдовел, осиротел, оскудел, был искалечен. Годы пронеслись, но не стирались воспоминания у тех, кто знал и ведал, страдал и помнил.

Взросло новое поколение: молодых и сильных, уверенных и бесшабашных – беззаботных. В дни пожаров некоторые еще не родились, другие были детьми и прятали наполненные ужасом глазенки за мамины широкие юбки, бежали прочь, взывали о помощи, молили о спасении. Но время залечило, молодежавый разум притупило, и в жилах уже не стыла кровь. Она бурлила, сердца огнем горели, в кистях сжимались рукояти шпаг, с мундиров смахивались пылинки, вальяжно сдувались соринки, молодых барышень ослепляли эполеты.

В знатных домах давались балы, у парадных стояли кареты, из них грациозно выходили дамы, опираясь на услужливые руки кавалеров, облаченных в мундиры или же во фраки. За пышными убранствами столов произносились тосты, говорились речи, порой настолько пафосные, что

затмевали даже славу русского оружия, в честь которой они и произносились. Те, кого бы и стоило послушать, по большей части словесами не трубили, иные молча пили. Ближе к ночи, а некто и к утру, в эти же кареты снова садились дамы, и все те же кавалеры, как истинные джентльмены, им рады были услужить.

Проводились смотры и парады, на суше, на море, и уже ощущалось дыхание новой, молодой военной мощи, которая в будущем займет господство даже в небе. Со стапелей сходили корабли, громыхали пробные орудийные залпы, извещая мир, что очередная махина готова ринуться в бой с любым врагом, посягнувшим на святую Русь. А если никто не посягнёт, верхи сами головы народа засунут в очередной огнедышащий котел. Молодые офицеры, кадеты, свеженькие выпускники военных корпусов, министерств и академии, уже во снах и наяву видели себя героями будущих баталий, откуда они непременно выйдут мужественными воинами империи, с гордостью наблюдая, как все вокруг станут им рукоплескать.

А пока энергия бурлила, переполняя чаши терпения и сдержанности, молодежь резвилась на балах, языками острила под романтиков и поэтов, не сразу даже приметив участь наиярчайшего из них, влезала во всевозможные интриги, время от времени заканчивающиеся тайными дуэлями. Сорили деньгами с особенным удовольствием те, кто мог себе это позволить.

...

Вполне приличный трактир – питейная для завсегдаев. В дальнем неприметном, чуть затемненном углу сидели двое широких хмурых мужиков, немного угловатых – вряд ли из дворян. Один угрюмый очень, другой скорее вымученный, уставший, возможно, болен. Их старались не замечать, недопонимая, что эти лесорубы здесь забыли. Они пили вино немного в неразумных количествах, о чем

сигнализировали их красные лица, амплитудно двигались жующие усы.

Мужик, который оставался чуть больше на виду, – без правой кисти, явно когда-то потерянной на войне, здоровый как буйвол, но не высокий, с единственным огромным кулачищем. Его особенно багровая физиономия выдавала, что принимает здоровяк немало и частенько. Второй, что в тени и послабее, чуть меньше, но тоже принимал. Но это были не алкоголики-бездельники, а мужики, выдавшие виды, не страшющиеся ни черта лысого, ни черта волосатого.

В противоположной стороне трактира расположилась шумноватая компания молодежи. Юнцы-офицеры выдавали патриотические тосты, и чем больше было выпито вина, тем яростнее становился их героизм и желание порубить всех врагов отчизны, особенно пока не вышел хмель.

Раздался звон разбитого стекла. Мужик без кисти обернулся, схмурил брови, недовольно шевельнул усами, условно плюнул и, бранно выругавшись, отвернулся вновь. Затем еще раз бросил взгляд.

Барышня. Молодая, хорошенькая – шляпка, вуаль, все как полагается. Ощущая свою временную привлекательность, на жизнь она не теряла ясность зора. Резвые офицеры наперебой старались покорить ее расчетливое сердце, наивно полагая, что романтической героизацией взглядов и позиций легко возьмут ее в свои сети. Барышня позволяла им так думать, время от времени поощряя короткими лукавыми фразами и молниями из-под ресниц. А те и рады стараться, все больше и больше бушуют и выступая, сыпля направо и налево остротами под перезвон бокалов.

В этой компании присутствовали и другие молодые дамы – тоже хороши собой, но на ярком фоне той, что в светлых нарядах, их облики терялись, взоры меркли под нажимом плохо скрываемой ревности, от чего не спасали даже нарочито деланные улыбочки.

Не много минуло от начала веселья, как меж двумя главными буйными завязалась словесная перепалка. Один сделал не слишком деликатный комплимент центральной особе торжества, в отместку, что та не удостоила его той чередой сшибающих улыбок, которой она щедро одаривала другого, более удачливого поклонника, удача которого объяснялась лишь бóльшим количеством денег и высоким положением *son père*, его папаша то бишь. Наивный глупец вообразил, что он уже завтра идет под венец, и ринулся в бой отстаивать мнимую честь оскорбленной особы.

– Милостивый государь! – сурьезно заявил он, лихо приподнимаясь и гремя посудой, неплохо пока справляясь с хмельным шумом в голове. – Извольте извиниться! Ваши слова несовместимы с кодексом чести благородного человека и недостойны офицерских эполет!

Поднялся и второй петух, выражая готовность биться насмерть, если того пожелает судьба, но все же немного нервничая, помня, что если дело дойдет до дуэли на пистолетах, то его оппонент имеет дурную славу и очень зоркий глаз.

Воспламенившийся накал кое-как затушили две не столь яркие особы, уговорив молодых дуэлянтов зачехлить словесное оружие, пока не дошло до реального. Те для пущей важности похрустели костяшками пальцев, каждый изобразил на лице театральное «Скажи спасибо им, иначе б тебе не поздоровилось!», и временно угомонились. Барышня в светлых нарядах сидела все это время в качестве созерцателя и не более.

Усатый мужик с одним кулачищем, искоса наблюдавший эту картину из противоположного угла, отвернувшись, снова выругался, наливая себе и своему приятелю полные стаканы красного вина.

– А что было потом? – спросил он своего приятеля, когда они выпили. Тот отмахнулся и ответил:

– Ничего. Ничего хорошего ни потом, ни опосля. Здоровье никудашнее, глаз один не видит, все кости ломають – по ночам волком вой. Будь проклята эта железная дорога.

– Прошенья подавал?

– Раз эдак сто. На кой мы им теперь? Там-то как к собакам. А стелили мягко.

– Да... а в Европе, я тебе скажу!.. До сей поры как сон видится.

– Ни к чему мне твоя Европа. Я здесь бы, на родной земле пожить бы еще хотел.

– Так мне ведь тоже ни к чему. Я так, засмотрелся лишь чуток, как на чужую бабу – хороша. А своя-то, зараза, один черт дороже. Вон ведь сколько кровушки-то за нее пролили. Поболее даже, чем те черти вина, – мужик вновь обернулся, потому как на той стороне трактира вновь была разбита посуда и сразу же с легкостью оплачена.

– Сорят рублем, а цену и копеечки не ведают, отступники! – с открытой злобой констатировал мужик с одним кулаком.

– Что им, безбожникам? Девка та глазком туда-сюда, как змеюка, а эти... А!..

– Вижу, заметил ее сразу, паршивку эдакую.

– Так и заметил? Не поздновато примечать-то?

– Да что ты?.. – выругался здоровяк и снова потянулся за вином.

Какое-то время молодежь вела себя более-менее сдержанно, но затем главный задира после пары очередных патриотических тостов решил не мириться с данным положением вещей. Тишь с благодатью пока не для него, душа рвалась в сраженья, пусть даже для начала с таким же подпитым повесой, как и он сам.

Две молодые дамочки, что поскромней, переглянулись, не зная как утихомирить ссорившихся, а третья, созерцательница, продолжала наблюдать, думая о своем, да

еще и взглядом останавливая подруг, чтобы не испортили интригующую развязку. Хороша была, зараза, ничего не скажешь, яркая особа. Вкупе с должным цинизмом и расчетом далеко пойдет.

В конце концов, под неистовым напором один из буянов взял курс на попятную, понимая, что дело пахнет жареным, а вскоре и горелым. Но другой, на чьей стороне был интерес яркой барышни, подзадоренный вином и моральным отступлением оппонента, решил стоять на своем до конца.

Единожды дама в светлых нарядах приличия ради решила все же вмешаться, попросить успокоиться смелого героя, но сделала это так и с таким беззащитным взором, что герой лишь еще поддал жару.

– Сударь! – поднялся он вновь из-за стола, и всем стало понятно, что это уже вызов.

Мужик в противоположном углу трактира на этот раз полностью развернулся, лицо хмурое, брови сдвинуты, глаза прищуром, будто перед боем он рассматривал врага. Его приятель что-то произнес, предложил выпить еще вина, но мужик с одним кулачищем лишь отмахнулся, присматриваясь и прислушиваясь. Он понимал, что сейчас за тем столом будут сказаны слова, за которые молодым идиотам придется пролить кровь.

– Ну хочешь, пойди утихомирь этих глупцов! – предложил приятель, на что мужик без кисти ответил, что ему это давно все надоело, хотят драться и стреляться, пусть дерутся и стреляются, безмозглые создания. Он снова развернулся к своему столу и принялся за более приятное занятие – злоупотребление красным вином.

– Так что опосля-то было на этом строительстве? – спросил он, вытираясь рукавом.

– Откель ж мне ведать? Я как слово-то не так замолвил, мол, не по-людски это и не по-божески, меня ж

сразу и в кандалы. Насилу уберегся, слава тебе господи, владычица небесная утихомирила безбожников. А потом все колесом пошло, да таким, что... А, что тут говорить, нет правды на Руси и не было никогда. Доброе вино.

А в эти самые минуты, в противоположной стороне трактира:

– Господа! Господа! – раздался чей-то голос из гуляк, но он тут же был одернут за рукав неумным повесой, страстно жаждущим баталии.

– При всем уважении к вашему роду, сударь! – скандалист с пренебрежительным видом говорил в сторону своего оппонента, который уже был не рад, что вообще сегодня вышел из дому. – Моя честь не позволяет мне простить вам такую дерзость! Извольте, сударь, принести свои извинения прямо здесь и сейчас! Иначе!..

Его оппонент тоже поднялся, по-прежнему изображая на лице полное миролюбие и желание закончить все полюбовно. Две дамы затаили от ужаса дыхание, прижав беленькие ладошки к губам, у третьей, точнее у первой, с дыханием было все в порядке.

– Да полно вам, господа! – уже просили гости с соседних столов. – Повздорили чуток и будет! Пейте вино, радуйтесь жизни! С вами такие прекрасные дамы, а вы...

Хотел было пойти на мировую и главный оскорбленный, и чуть было не согласился на мир, но дама в светлых нарядах вдруг произнесла томным голоском:

– Я тоже просила бы вас о мире, господа, хоть мне и крайне неприятно было слышать некоторые слова в свой адрес.

Что?! О мире?! Взыграл подпитый разум у буяна. Чтобы его дама сердца, которая ему так понравилась, которую он уже успел полюбить, на всю жизнь, на десять жизней, и терпела оскорбления, сносила унижения ради какого-то там мира? Нет! Не бывать такому! Мир – удел

старух и трусов, а не для молодых и рьяных вешалок под мундиры с эполетами!

– Сударь! Я не могу согласиться на решение вопроса полюбовно до тех пор, пока вы тотчас же не извинитесь публично!

– Может, полно?.. – несколько растерянно спросил мечтавший о мире оппонент, из головы которого уже начал выходить хмель.

– Конечно, полно, господа, – протянула дама в светлых нарядах, но взгляд ее, направленный на главного забияку, выражал совсем иное, что-то вроде: «Я принцесса и сяду только в карету победителя, или найди себе кого-то из менее значимых и знатных».

– Милостивый государь! Либо вы немедленно извиняетесь! Либо...

Миролюбивому оппоненту такое издевательство явно надоело, и он вспомнил уже о своей чести, выпрямившись, расправив плечи и приготовившись встретить открытой грудью любое нападение или вызов, хотя в глазах его выразилась откровенная тоска и сожаление. Он молчал.

– Я вызываю вас, сударь! Дуэль!

И слова прозвучали. Слова, которые обратного хода без потери достоинства не имеют, а за это самое достоинство, порой откровенно мнимое или даже фальшивое, теперь кто-то запросто расплатится жизнью.

– Я вас вызываю! В любом месте и при любом оружии!

– Какое вы предпочитаете? – обреченно спросил более мирный оппонент.

– Мне все равно, сударь, но если вы не будете возражать, я бы предпочел стреляться!

– Что ж, воля ваша. Стреляться, значит стреляться.

Тут он повернулся и заметил, что возле их стола чуть сбоку, в полной тишине всего трактира, стоит тот самый широкий мужик, у которого не было кисти правой руки, левой же он опирался на кривой костыль. За ним прихрамал

второй, примерно такой же мужик, разве что не столь коренастый.

Главный буян, стараясь держать марку, уверенно вышел из-за стола, приблизился к непрошеным гостям.

– Что вам будет угодно, господа? – спросил он вызывающим тоном. – Идите куда шли, нам до вас нет никакого дела!

Но вместо ответа последовал совсем иной... ответ, да такой неожиданный, что мгновенно переполошился весь зал, раздались женские крики. Мужик отставил в сторону костыль и со всего маху приложился единственным кулачищем по дерзкому дуэлянту. Так приложился, что тот собственного приземления между столов через стулья уже не почувствовал.

– Сядь, – негромко, но в приказном тоне сказал мужик второму дуэлянту, который хотел пойти на мировую с первым. Бить он его не стал, а вместо этого взял без спроса с соседнего стола бокал с красным вином и с открытым пренебрежением плеснул на одну из трех дам, изрядно окрасив светлые наряды. Ее негодующе-вопросительный взгляд выразался лишь одним: «За что?»

– Между ними должна была костыми лечь. Сама ведь матерью будешь, д-дура!

Неожиданно, будто по чьему-то доносу, на пороге трактира появился полицмейстер. Зыркнул суровым взором, поводит усами. Затем между ним и мужиком, который только что подобрал свой костыль, произошла недолгая, но жгучая дуэль взглядов.

Улетевший от удара между столов подал первые признаки жизни, что-то невнятно промычав, пошевелив конечностями, другие принялись помогать ему подняться, правда, пока не бог весть как успешно. Дамы, что не в светлых нарядах, вытирали платочками бедолаге вдрызг разбитые нос и физиономию. Та, на которую было только что выплеснуто вино, до сих пор не могла пошевелиться,

смотря на все вокруг происходящее широко открытыми не моргающими глазами, находилась в состоянии шока.

Полицмейстер действовать не спешил, о чем-то размышляя. Возраст у него почтительный, на неглупом лице хорошо заметный шрам. Видимо, с лет суровых и военных.

Мужик постоял с минуту, опираясь на костыль, заметил, что пострадавший при помощи двух дам и одного молодого человека начал подниматься. Его хватило только на то, чтобы сесть на стул, надежная ориентация к нему пока что не возвращалась. Мужик, сильно прихрамывая, опираясь на костыль, сделал в сторону выхода несколько шагов, где по-прежнему стоял представитель власти, затем обернулся.

– Ну, сынки? Жалобу подавать будете?

Оба дуэлянта потупили молодецкие очи, один вытирая кровь с лица, другой, будто нашкодивший ребенок, шмыгая громко носом. Неожиданно отвел глаза и полицмейстер. Мужик с костылем и единственным кулачищем подошел к нему вплотную, за ним кротко следовал его приятель.

Подумав с полминуты, нежданный гость, который мог сильно попортить и без того невеселую жизнь двоим мужикам, вдруг сделал шаг в сторону, освобождая проход.

– А вы кем будете? – вдруг он спросил кроткого проходящего, следовавшего вторым.

– Я-то?.. А я вон это... ваш благородь... дорогу я строил... железную... будь она... на радость царю-батюшке... будь... здоров он будь...

Полицмейстер промолчал, и мужики ушли.

На улице было ясно, солнечно, вечерело, шум колес карет, цокот копыт лошадей, людской гул. Кроткий приятель пожелал спросить своего хромающего друга, который кряхтя, медленно двигался тяжелой поступью, но заметив страдания того, ненадолго воздержался. У мужика искалеченная на войне с французами нога ломила нещадно, кисть правой руки не слишком отставала в данном досаждении.

– Боюсь, что ты ведь, безбожник, все зубы ему выбил,
– все же констатировал негромко кроткий спутник.

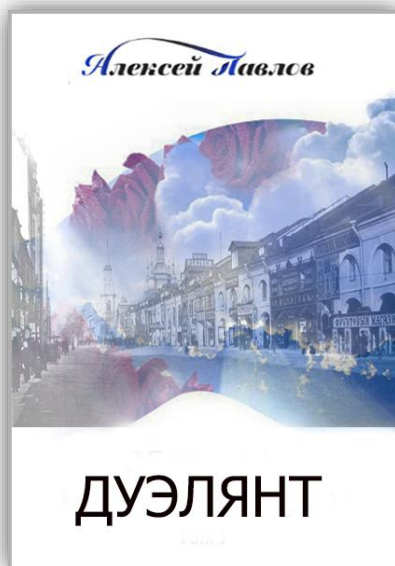
Мужик остановился, полез за табаком, вода нервно
челюстями, низким грубоватым басом отвечал:

– Все лучше, нежели дурная пуля пробьет ему сердце.
Для матушки этого глупца так покойнее будет.

Они неспешно пошли дальше, и вскоре их силуэты
растворились в бесконечных людских потоках.

Конец

(Рассказ написан в декабре 2016 года)

© Алексей Павлов «ДУЭЛЯНТ»
Рассказ из **1-го тома** сборника короткой прозы
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство Фонда "Сталинград"

<http://alexey-pavlov.ru>
Литературный сайт Алексея Павлова

<http://lit-izdat.ru>
Издательство Фонда "Сталинград"

[Вернуться в начало](#)